

Крестовский Всеволод Владимирович

**Собрание сочинений Всеволода
Владимировича Крестовского**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
В84

В84 **Всеволод Владимирович К.**
Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского: Том 3 / Крестовский Всеволод Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 628 с.

ISBN 978-5-519-91075-0

Содержание. Романы. 1 Панургово стадо и 2 Две силы Очерки. 1 Пан Пшепендовский и 2 Под каштанами Саксонского сада

ISBN 978-5-519-91075-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Оглавление третьяго тома.

КРОВАВЫЙ ПУФЪ.

РОМАНЫ:

1) ПАНУРГОВО СТАДО. 2) ДВѢ СИЛЫ.

1) ПАНУРГОВО СТАДО.

Часть I.

	стр.		стр.
1. Воля.....	1	5. Докладчикъ „Центра“.....	134
2. Великое и общее недоразумѣніе.....	7	6. Сходка 27-го сентября.....	135
3. Расправа.....	13	7. „Синій день“ на Невскомъ.....	137
4. „Пошла писать губернія!“.....	17	8. Герой въ пинхъ впитаетъ сферахъ.....	141
5. En petit comité.....	18	9. „Студентскій день“.....	143
6. Наканунѣ тризны.....	21	10. Бесѣда съ мудрымъ Никодимомъ.....	147
7. Панихида.....	22	11. Надежное мѣсто.....	151
8. Генеральное кормленіе съ музыкой и проч.....	28	12. Дрессировка пачинается.....	153
9. Segła wielkiego budowania.....	32	13. Еще болѣе надежное мѣсто.....	155
10. Сходка.....	36	14. Метаморфоза.....	158
11. Кто предполагаетъ и кто располагаетъ.....	43	15. Кружокъ.....	161
12. Иллюзія и разочарованіе стараго майора.....	45	16. Роковые вопросы.....	165
13. Въ пользу славнобубенской воскресной школы литературно-музыкальный вечеръ, съ участіемъ гг. тапихъ-то и тапихъ-то.....	47	17. Aut Caesar, aut nihil!.....	167
14. Кому досталось расхлебывать кашу.....	50	18. Caesar.....	168
15. Конференція совѣта гимназій.....	51	19. Нежданный гость на повую дорогу.....	170
16. Вызовъ.....	55	20. Поручитель.....	173
17. Въ ожиданіи роковой минуты.....	56	21. Что немножко безпокоило Хвалынцева.....	175
18. Au profit de nos raucres, спектакль благодарныхъ любителей съ живыми картинами.....	58	22. Послѣднія инструкціи.....	177
19. De funduszu zelaznego.....	66	23. „Довольно!“.....	178
20. Изъ-за „шціона“.....	69		
21. Безъ дочери.....	72		
22. Великодушный Ардалъонъ.....	75		
23. Нежданный ходатай.....	78		
24. Съ неба свалилось.....	82		
25. Крестъ начерченъ.....	85		
26. Изъ тѣхъ или вѣтъ?.....	85		
27. Въ западѣ.....	89		
28. Женихъ.....	90		
29. „Эврика“ по гречески значитъ: нашель.....	92		
30. Игра въ половинки.....	94		
31. Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою.....	99		
32. Въ Жегуляхъ.....	100		
33. Золотая грамота.....	103		
34. Послѣднія литургія.....	110		
35. Баль у ея превосходительства.....	111		
36. Въ саду.....	116		

Часть II.

1. Въ копилкѣ.....	119
2. Славнобубенскій вѣсти.....	124
3. Прокламація и сходка 23-го сентября.....	125
4. Шествіе въ Колокольную улицу.....	128

Часть III.

1. Наседниѣ со своей душой.....	182
2. Книжная торговля и кабинетъ для чтенія Луки Благопріобрѣтова и К ^о	185
3. Призракъ дѣда.....	187
4. Вдовушка Сусанна.....	189
5. Великіе проекты продолжаютъ осуществляться.....	192
6. Вечеръ въ коммуѣ.....	194
7. Поэзій звонокъ.....	198
8. Какими судьбами появилась Лубянская.....	201
9. Святые приципы Полоярова.....	202
10. Какимъ образомъ члены коммуны тяготы другъ друга носили.....	204
11. Теорія и жизнь.....	210
12. Жизнь переселила.....	212
13. Новые гости пріѣхали.....	212
14. Предъ постелью больной.....	214
15. При послѣднихъ минутахъ.....	216
16. Послѣ похоропъ.....	217

Часть IV.

1. Сумбуръ.....	219
2. Что значитъ смѣть свое сужденіе имѣть.....	227
3. Меркурій.....	231
4. Панъ грабл Тадеушъ и просто панъ Ап-зельмъ.....	234
5. И хочется, и колется.....	236

6. Сюрпризъ отъ вдовушки Сусанны.....	стр. 238	17. Ардалъонъ съ ореоломъ мученика.....	стр. 264
7. Миши и подкопы.....	240	18. „Молодал Россія“.....	267
8. „Съ того берега“.....	241	19. Quae medicamenta non sanant—ferrum sanat, quae ferrum non sanat—ignis sanat... 268	
9. Изъ угла въ уголъ по комнатѣ.....	244	20. Пожаръ 28-го мая 1862 года.....	270
10. Дождались.....	247	21. Наши знакомы на пожарѣ.....	276
11. Есть многое въ природѣ, другъ Горацио, что и не снилось порядочнымъ людямъ.. 249		22. Ignis non sanat.....	279
12. Добрал овца нашла своего доброго пастыря.....	255	23. Кому и какія услуги оказаны пожарными. 280	
13. Благородное слово на благородное дѣло.. 266		24. Наканунѣ чего-то новаго.....	283
14. Любишь—не любишь.....	258	25. Въ виду возможности безпечальнаго будущаго.....	286
15. На что оказалась способною Сусанна. . 260		26. Выборы въ «военномъ кружкѣ».....	287
16. Чего никакъ не могъ предвидѣть панъ грабя.....	262	27. Fatum.....	290
		28. Alea jacta est.....	292

2) Д В Ъ С И Л Ы.

Часть I.

1. Сюрпризъ на пути въ Варшаву.....	стр. 295	9. Слабая струна.....	стр. 443
2. Впечатлѣнія по дорогѣ Литвою.....	297	10. Свѣтка предлагаетъ сыграть въ кошку и мышку.....	444
3. Въ корчмѣ.....	298	11. На волоскѣ.....	447
4. „Палацъ сломяны“.....	301	12. Въ театрѣ.....	451
5. Szkolka dla dzieci wiejskich.....	307	13. „Carpe diem!“.....	454
6. Маленькій опытъ слѣнилъ съ народомъ.. 310		14. Поручикъ Паляница.....	457
7. За стѣною.....	313	15. Варшавскій отдѣлъ „Земли и Воли“..... 462	
8. Два храма.....	316	16. Политика и жизнь наканунѣ взрыва... 466	
9. Кіерманъ.....	320	17. Жертва всеожженіи.....	470
10. Панское полеванье.....	323	18. Адресъ и разрывъ.....	472
11. „Kochałmu sie!“.....	329	19. Трибуналъ народовъ.....	475
12. Фациця паньська.....	331	20. Варшавскія трущобы.....	480
13. Во время безсонной ночи.....	336	21. Операторъ.....	485
14. Сеймикъ панскій.....	338	22. Въ катакомбахъ.....	488
15. У отца Сильвестра.....	347	23. Узелокъ.....	492
16. Одинъ изъ тысячи хлопскихъ бунтовъ того времени.....	355	24. Послѣ болѣзни.....	494
		25. „По декрету трибунала“.....	496

Часть II.

1. Гродно и ея первые сюрпризы.....	361	1. „Do bronii“.....	499
2. Похороны нѣкоего „почтиаго чловѣка“.. 365		2. Генераль-довудда и его штабъ въ прахъ-довскомъ замкѣ.....	502
3. Чего иногда могла стоить и чѣмъ могла угрожать чашка кофе.....	373	3. На сборномъ пунктѣ.....	503
4. На Коложѣ.....	376	4. Лѣсная маювка.....	511
5. Добрал встрѣча.....	381	5. Въ лѣсномъ „обозѣ“.....	516
6. Дома у Холодца.....	388	6. Гроза идетъ.....	518
7. На Телятникѣ.....	395	7. Побѣда въ Червелепахъ.....	519
8. Паня Ванда.....	401	8. Тревога.....	525
9. Ржондъ противъ ржонда, справа противъ справы.....	407	9. Мы и они.....	528
10. „Опытъ сомнѣній и муки“.....	411	10. Виновъ испеченный.....	536
11. Опытъ непріязненности.....	413	11. Робакъ—ксендзъ-партизанъ и вѣстель.. 537	
12. Послѣ бури.....	416	12. Старый знакомый неожиданнымъ гостемъ.. 538	
13. Свѣтка слегка показывааетъ свою настоящую шкуру и ногти.....	418	13. Мученики, не внесенные въ мартирологи „Колокола“.....	539
14. Послѣднее пожеланіе.....	423	14. Погоня.....	544

Часть III.

1. Въ Варшавѣ.....	425	17. Честный шагъ.....	555
2. Въ первыя минуты по приѣздѣ.....	429	18. Русская сила.....	558
3. За ужинномъ въ Помпейскомъ залѣ.....	430	19. Желѣзныи чловѣкъ.....	562
4. Нечалпные гости.....	433	20. „Патріоты“.....	565
5. Впечатлѣніе Варшавы.....	434	21. Онъ самъ хотѣлъ того.....	569
6. Уже на службѣ.....	436	22. Нѣчто о борьбѣ за существованіе.....	570
7. Терроръ и панпка, и еще нѣчто.....	438	23. Послѣдній изъ могиканъ.....	572
8. Nymn paładowy.....	439	24. Хлопское „дзякуйно!“.....	574
		25. Роковая дилемма.....	575

О Ч Е Р К И:

1) ПАНЪ ПШЕПЕНДОВСКІЙ.....	578
2) ПОДЪ КАШТАНАМИ САКСОНСКАГО САДА.....	593

ПАНУРГОВО СТАДО.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

В о л я.

Наступилъ день 19-го февраля 1861 г.

Милліоны труждающихся и обремененныхъ осѣнили крестомъ свои широкія груди; милліоны удрученныхъ головъ, съ земными поклонами, склонились до сырой земли русской. Съ церковныхъ папертей и амвоновъ во всеуслышаніе раздалось вѣщее слово. По вѣмъ градамъ и весямъ, по вѣмъ пригородамъ и слободамъ, по деревнямъ, посадамъ и селамъ церковные колокола прогудѣли, по лицу всея земли Русской, благовѣсть воли.

Русская земля отпраздновала первый день своей всенародной свободы.

А между тѣмъ...

Въ воздухѣ было что-то давящее, плавало что-то смутное, сѣрое, неопредѣленное. На горизонтѣ собирались какія-то зловѣщія, свинцовыя тучи.

* *

— А что, Волгой не возить?

— Покинули... день съ двѣнадцать, какъ покинули... Береговымъ трактомъ валять.

— Да вѣдь еще не ломало ее?

— Не ломало, а только вздулась, почернѣла вся... Подъ Василемъ-Сурскимъ, слышно, стоятъ уже дала: надо-быть, скоро тронется.

Этими словами молодой человѣкъ, выглядывавшій изъ приподнятаго воротника бараньей шубы, перекинулся съ мужиченкой коряваго вида, который сидѣлъ за кучера на передкѣ дорожнаго возка. Возокъ, по вѣмъ примѣтамъ, былъ помѣщичій, не изъ богатыхъ, а такъ-себѣ, средней руки. Его тащила по расхлябанной, размытой и развѣзженной дорогѣ попурая обывательская тройка разношерстныхъ клячъ.

Быль апрѣль мѣсяцъ—урочное время, когда по нашимъ первобытнымъ дорогамъ нѣтъ пути ни на колесахъ, ни на полозьяхъ. Молодой человѣкъ ѣхалъ на обывательскихъ, по вольному найму.

Дорога близилась къ Волгѣ.

Моросило сверху, слякотило снизу. Время стояло непогожее, а между тѣмъ, на дорогѣ было замѣтно какое-то необычное оживленіе... То и дѣло плелся мужикъ—кто въ-одиночку, кто по два, по три, а то и цѣлыми гурьбами, душь въ десять и болѣе; пные тащились на розвальняхъ, пные верхомъ на поджарыхъ, мохнатыхъ кляченкахъ, то и дѣло понукал ихъ болтающимися ногами, когда тѣ визли въ безконечной, пенилазной грязи. И все это какъ-то оживленно, озабоченно толковало промежъ себя, все это какъ-будто торопилось куда-то и плелось по одному и тому же направленію, въ ту самую сторону, куда тащился и помѣщичій дорожный возокъ.

Корявый мужиченко, ровняясь время отъ времени съ пѣшеходами, иногда приподнималъ свой несурзый малахай и кивалъ головою. Иные изъ пѣшеходовъ, въ свою очередь, отвѣчали ему поклонами. Видно было, что всѣ эти люди болѣе или менѣе знакомые, изъ ближайшей окрестности.

— Стигней! а Стигней! Куда те претъ? окрикнулъ корявый мужиченко одного изъ поровнявшихся съ нимъ мужиковъ.

— Въ Сибѣжк! махнулъ онъ рукою вдоль по направленію своей дороги:—всѣ въ Сибѣжки махаемъ.

— За коимъ дѣлшимъ въ Сибѣжки?

— Да ты отколева? Нешто не слышалъ?

— Какъ не слыжать!.. Да рази не покончили?

— Зачѣмъ кончать... Тамъ, слышно, тепе-

рича воля заправская. Сказывалъ, будто съ Питера евераль пѣхалъ въ Снѣжки—будетъ музикамъ снѣжковскимъ волю выпытывать... И мы, значить, слушать пдемъ.

— Да вѣдь батька въ церкви чель уже?

— Мало чего нѣтъ!.. Теперича, баяли, самую заправскую и выложить. А то, слышь ты, снѣжовскій нѣмецъ-то хрестьянъ снова на барщину погналъ—какая жь эта воля?

Корявый мужиченко зацмокалъ, занукалъ, замахаля въ воздухъ кнутикомъ—животы припугнулись, рванулись понуро впередъ—и возокъ опередилъ попутнаго Евстигнея.

До села Высокіе Снѣжки оставалось верстѣ пятьокъ, не болѣе. Молодой человѣкъ закутался покрѣпче въ свою баранью шубу и уютно откинулся въ глубь возка, на мягкія деревенскія подушки. Въ Снѣжкахъ ему предстояло перемѣнить лошадей, чтобы плестись съ грѣхомъ пополамъ далѣе, въ губернский городъ, который на фантастической картѣ Россійской имперіи, существующей въ воображеніи читателя, отмѣчается довольно крупнымъ кружкомъ съ подписью при ономъ: Славнобубенскъ,—стало быть, и губернію, существующую въ нашей фантазіи, мы назовемъ Славнобубенскою.

Молодой человѣкъ, съ которымъ мы повстрѣчались на дорогѣ, принадлежалъ къ числу средней руки дворянъ Славнобубенской губерніи. Читателю необходимо знать, кто онъ; поэтому авторъ долженъ рекомендовать его. Это обыкновенно неизбѣжное мѣсто всевозможныхъ повѣстей и романовъ. Сознавая это, авторъ постарается быть по возможности краткимъ. Зовутъ его—по фамиліи Хвалынцевъ, по имени Константинъ, по отцу—Семеновъ. Ни въ имени, ни въ фамиліи, какъ видитъ читатель, ничего особенно примѣчательнаго не оказывается. Хвалынцевъ съ полнымъ правомъ можетъ называться молодымъ человѣкомъ, потому что ему только-что минуло двадцать-два года. Онъ высокъ и мускулистъ, сложенъ крѣпко и красиво. Если бы спросили о его лицѣ, я бы сказалъ, что это лицо русское, совсѣмъ русское, отмѣченное своеобразною красотою. Отъ его открытой улыбки, отъ его свѣтлосѣрыхъ большхъ глазъ вѣяло чѣмъ-то симпатичнымъ. Теперь два слова о его общественномъ положеніи и о томъ, зачѣмъ онъ ѣдетъ по дорогѣ. Кромѣ того, что уже извѣстно читателю, а именно, что Хвалынцевъ принадлежитъ къ числу дворянъ и средней руки землевладѣлецъ Славнобубенской губерніи, надобно знать еще, что онъ четвертаго курса университетскій студентъ и ѣздивъ недавно на родину хоронить одинокаго дядю да раздѣлиться съ сестрой своей оставшимся послѣ покойника наслѣдствомъ. Теперь онъ возвращается въ Петербургъ, но предполагаетъ по дѣламъ остаться пѣкоторое время въ Славнобубенскѣ.

Вотъ и все «скучное», что пока необходимо было знать читателю о молодомъ человѣкѣ.

Возокъ поднялся на пригорокъ—и передъ Хвалынцевымъ въ верстѣ разстоянія разпернулись то скученныя, то широко разброшенныя группы, сѣрыхъ избъ, сараи, амбары, овны и бани. Тамъ и сямъ, надъ этими группами, поднимались силуэты обнаженныхъ деревьевъ и бѣлѣлась каменная церковь съ высокой пирамидальной колокольней. Это было село Высокіе Снѣжки.

Широкая площадь между церковью и старымъ господскимъ домомъ сплошь была покрыта густыми толпами народа. Во всей этой массѣ видѣлись только однѣ мужскія головы. Бабы и ребятенки жалась больше по окраинамъ площади, поближе къ пѣзамъ и, промежъ своихъ собственныхъ разговоровъ, насивно глазѣли на волнующуюся массу крестьянскаго люда, надъ которой гудѣлъ, какъ шмелиный рой, какой-то смѣшанный, тысячеголосный говоръ.

Едва Хвалынцевъ вѣхалъ на эту площадь, какъ возокъ его вмгъ окруженъ былъ толпою, и кони стали, за невозможностью двинуться далѣе.

— Енаралъ!... енаралъ, пріѣхалъ! пробѣжало изъ устъ въ уста по кучкамъ толпы — и головы ближайшихъ къ возку мужиковъ почтительно обнажились. Но это длилось не болѣе полуминуты... разглядѣли слишкомъ молодое лицо пріѣзжаго, его баранью шубу и рѣшили, что генералу таковымъ быть не подобаетъ. Обнаженные головы снова накрылись, хотя возокъ и продолжалъ еще возбуждать любопытство толпы.

— Братцы! дайте пробѣхать! высунулся Хвалынцевъ впередъ изъ-подъ кузова.

— Да тебѣ куда, милый человѣкъ! отозвался чей-то голосъ.

— На стоялый дворъ... а потомъ мимо.

— Мимо... стал-быть не къ намъ... А нашто тебѣ на стоялый?

— Лошадей порядить.

— Стало, на вольныхъ ѣдешь?

— На вольныхъ.

— Ну, значить, зашабашить надо! Теперь не порядишь: не повезутъ.

— А что такъ?

— Да гдѣ ужъ везти! Не такое время... Каждый мужикъ на міру нуженъ: енарала съ Питеру ждемъ.

Между тѣмъ, корявый мужиченко кое-какъ попытался прокладывать себѣ дорогу; удавалось это ему съ величайшими затрудненіями—толпа разступалась туго, тысячи любопытныхъ глазъ пытливо засматривали подъ кузовъ; наконецъ, добрался-таки да стоялаго двора; который тутъ же, на краю площади, красовался росписными ставеньками.

Не успѣлъ Хвалынцевъ оглядѣться, распу-

стпть дорожный ременный пояс да заказать самоваръ, какъ къ нему вошелъ нѣсколько мужиковъ и съ поклонами остановились вдоль стѣны у дверей. Бороды по большей части были свѣтлыя, почтенныя.

— Что вамъ, братцы? Чего вы?

— Къ твоей милости, батюшко! Заступись! Обижалотъ...

— Да я-то что же?.. Я, братцы, проѣзжій.

— Ты, батюшко, сказывали, питерскаго енарала передовой... Разсуди, кормилецъ! Волю скрасть хотятъ у насъ! То было волю объявили, а нынѣ Карла Карлычъ, нѣмецъ-то нашъ, правящій, на барщину снова гонитъ, а мы барщины не желаемъ, потому не законъ... Мы къ тебѣ отъ міра; и какъ ежели что складчину какую, такъ ты не сумлевайся: удоблетворимъ твоей милости,—только обстои ты насъ... Они всѣ супротивъ насъ идутъ...

— Кто всѣ? полюбобытствовалъ Хвалынцевъ.

— Да всѣ, какъ есть: и становой, и исправникъ; Корвинской баринъ—предводитель—тоже за нѣмца; опять-же офицеръ какой-то съ города наѣхалъ—и тотъ за нѣмца... Одна надежда на енарала на питерскаго... Пошто же мужиковъ обижать занаспрасно!

Только-что сталъ было Хвалынцевъ убождать ихъ, что онъ къ питерскому генералу никакого касательства не имѣетъ, что онъ просто самъ по себѣ и ѣдетъ по своей собственной надобности, какъ вошелъ новый посетитель—жандармъ, во всей своей амуниціи.

— Который здѣсь проѣзжій?

— Я проѣзжій. А что?

— Пожалуйте... полковникъ требуютъ.

— Какой полковникъ? зачѣмъ?... что ему?

— Не могу знать,—приказано... Пашпортъ свой прихватите.

Хвалынцевъ недоумѣвая пошелъ вслѣдъ за жандармомъ.

Пришли въ прихожую стараго и давно уже нежилого господскаго дома. Тамъ помѣщался другой жандармъ, и тоже во всей своей амуниціи. Хвалынцева пропустили въ залу, а солдатъ почтительно-осторожной но неуклюже-косолопой походкой на цыпочкахъ пошелъ докладывать во внутренніе покои.

Хвалынцевъ машинально сталъ оглядывать залу: узкія потускнѣлыя зеркала съ бронзовой инкрустаціей; хрустальная люстра подъ росписнымъ потолкомъ; у мебели тонкія точенныя ножки и ручки, въ видѣ египетскихъ грифоновъ и музій; давнымъ-давно слинялый и выцвѣвшій штофъ на спинкахъ и сидѣньяхъ; темныя портреты, а на портретахъ все Екатерининская пудра да высочайшіе Александровскіе воротники, жабо да хохлы, скученные на лобъ. Надъ диваномъ потрескавшаяся большая картина съ какимъ-то мнѳологическимъ сюжетомъ и обнаженными полногрудыми же-

намъ. Все это какъ-то таинственно переносило въ другой міръ—отжившій, нѣкогда блестящій, все это вѣяло какимъ-то домашнимъ преданіемъ, семейной хроникой, и свѣтлыми, и темными, но нынѣ уже потускнѣвшими красками.

Въ одной изъ смежныхъ комнатъ, куда удался жандармъ, раздавались людскіе голоса. Черезъ полминуты онъ вышелъ и, сказавъ мимоходомъ Хвалынцеву, чтобы обождать, удался въ прихожую.

— Уголь отъ пяти... полтина очко... пять рублей мазу! послышалось изъ внутренняго покоя, сквозь неплотно припертую дверь, когда скрипъ солдатскихъ шаговъ затихъ въ передней и воцарилась прежняя тишина.

«Что-жъ это такое?» не безъ удивленія подумалъ себѣ Хвалынцевъ.

— Болеславъ Казиміровичъ, да вы хоть талию-то кончите... Успѣйте еще!..

Студентъ отвернулся къ окну и сквозь двойныя стекла, отъ нечего дѣлать, сталъ глядѣть на дворъ, гдѣ отдыхалъ помѣщичій дормезъ, рядомъ съ перекладной телѣгой, и тутъ же стояли широкія крытыя сани да легкая бричка—вѣроятно всего исправничья. А тамъ, дальше—на площади колыхались и гудѣли толпы народа.

Въ залѣ послышались шаги.

Хвалынцевъ обернулся и увидѣлъ спящій разстегнутый сюртукъ и, съ широкими подушечками, характерные усы высокаго штабъ-офицера, который шелъ прямо на него.

— Кто вы такой? освѣдомился офицеръ съ офиціальна-начальственно-вѣжливымъ сухостью, остановившись отъ него въ двухъ шагахъ разстоянія.

Хвалынцевъ назвалъ себя.

— Вашъ видъ?

Тотъ досталъ изъ дорожной сумки, висѣвшей у него черезъ плечо, свое университетское свидѣтельство.

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Высшіе Снѣжки? продолжалъ офицеръ, наскоро пробѣжавъ глазами поданную ему бумагу.

— Проѣздомъ въ Славнобубенскъ.

— Гм... проѣздомъ... такъ-съ... А зачѣмъ же непременно въ Снѣжки?

— Зачѣмъ, что дорога на Снѣжки лежитъ.

— Гм... дорога... А развѣ нельзя было мимо объѣхать?

— Ну, объ этомъ надо спросить, полковникъ, моего извозчика: онъ это, конечно, лучше меня знаетъ, а мнѣ здѣшніе пути не знакомы.

— Вы развѣ не знаете, что въ Снѣжкахъ возстаніе, бунтъ крестьянскій, и ѣдете прямо въ Снѣжки!

— Откуда же знать мнѣ? Я—человѣкъ проѣзжій.

— То-то я и вижу, что проѣзжій... А за-

чѣмъ вы сейчасъ мужиковъ къ себѣ собрали?

Хвалынцевъ объяснилъ ему, какъ было дѣло.

— Ваша подорожная?

— Я ѣду по вольному найму на обывательскиххъ.

— Гм... на обывательскиххъ... безъ подорожной... Такъ-съ.

Офицеръ смотрѣлъ на Хвалынцева пристальнымъ, испытующимъ взглядомъ: онъ, очевидно, не довѣрялъ его словамъ.

— Вы... извините, началъ онъ со вздохомъ, спустя нѣкоторое время: — я долженъ задерживать васъ... тѣмъ болѣе, что и такъ вы все равно не достали бы себѣ лошадей... не повезуть, потому—бунтъ.

Въ это время въ залу вошли изъ того же внутренняго покоя еще четыре новыя личности. Двое изъ вошедшихъ были въ сюртукахъ земской полиціи, а одинъ въ щегольскомъ пиджакѣ Шармеровскаго покроя. Что касается до четвертой личности, то достаточно было взглянуть на ея рыженькую, толстенькую фигурку, чтобы безошибочно узнать въ ней нѣмца-управляющаго.

Пиджакъ переглянулся съ Хвалынцевымъ, и оба какъ будто узнали другъ друга.

— Господинъ Хвалынцевъ, если не ошибаюсь? съ изыщпою вѣжливостію прищурился немножко господинъ въ пиджакѣ.

— Не ошибаетесь, столь же вѣжливо поклонился студентъ.

— Имѣлъ удовольствіе видѣть васъ на похоронахъ вашего дядюшки... мы хоть и разныхъ уѣздовъ, но почти сосѣди и съ дядюшкой вашимъ были старые знакомые... Очень пріятно встрѣтиться... здѣшній предводитель дворянства Корытниковъ, отрекомендовался онъ въ заключение и лобезно протянулъ руку, которая была принята студентомъ.

Штабъ-офицеръ передернулъ характерными русыми усами и недоумѣло поглядѣлъ на того и другого.

— Послушайте, таинственно взявъ подъ руку, отвелъ онъ предводителя въ сторону, на другой конецъ залы:—студіозуса-то, я полагаю, все-таки лучше будетъ позадерживать немного... Онъ хоть и знакомый вашъ, да вѣдь вы за него ручаться не можете... А я ужъ знаю вообще, каковъ этотъ народецъ... Мы его эдакъ, подъ благовиднымъ предлогомъ... Оно какъ-то спокойноѣ.

— Какъ знаете, пожалъ плечами предводитель:—это ужъ ваше дѣло, полковникъ.

— То-то; я думаю, что лучше позадерживать... Вотъ онъ—едва пріѣхалъ, а къ нему ужъ мужичье нагрянуло совѣтовъ просить. Ну, а я ужъ знаю вообще эти студентскіе совѣты!..

— Господинъ Хвалынцевъ... извините... это—маленькое недоразумѣніе! съ лобезной улыбкой началъ офицеръ, направляясь къ сту-

денту и подшаркивая на ходу:—вотъ вашъ видъ; но все-таки, я полагаю, вамъ лучше бы переждать немного... Во-первыхъ—самп изволите видѣть—время тревожное, ѣхать не безопасно... Мало-ли что можетъ случиться... Это, во всякомъ случаѣ, рискъ; а во-вторыхъ—смѣю васъ увѣрить—вы здѣсь никакъ теперь лошадей не достанете, не повезуть... До того-ль имъ теперь!.. Мы и сами вотъ какъ бы въ блокадѣ содержимся, пока до прибытія войска.

Хвалынцевъ поблагодарилъ предупредительнаго полковника, но при этомъ все-таки выразилъ желаніе попытаться—авось либо и удасться порядить лошадей.

— Мм... сомнѣваюсь, покачалъ головой полковникъ:—да если бы и удалось, я все-таки не рискнулъ бы отпустить васъ. Помидуйте, на насъ лежитъ, такъ сказать, священная обязанность охранять спокойствіе и безопасность гражданъ, и какъ же-жъ вдругъ отпущу и васъ, когда вся мѣстность, такъ сказать, въ пожарѣ бунта? Это невозможно. Согласитесь сами,—моя отвѣтственность... вы, надѣюсь, самп вполнѣ понимаете...

Хвалынцевъ ничего не понялъ, но тѣмъ не менѣе поклонился.

— Ну, нечего дѣлать—пожалъ онъ плечами:—пойду на стоялый.

— Нѣтъ, ужъ на стоялый не ходите, तो-ропливо предупредилъ офицеръ:—это точно также не безопасно... Вѣдь ужъ къ вамъ и то забрались мужики-то наши...

— Да что жъ имъ во мнѣ? Вѣдь не противъ меня бунтуютъ.

— Вы полагаете? многозначительно, глубокомысленно и политично сдвинулъ полковникъ брови и съ неудовольствіемъ шевельнулъ усами:—это бунтъ, такъ сказать, противусловный, и я, по долгу службы моей, не отпущу васъ туда.

— Но какъ же мнѣ быть, господинъ полковникъ?

— Остаться здѣсь до времени.

— Но моп венци.

— Жандармы перенесутъ ваши венци.

— Но, наконецъ, я ѣсть хочу, отдохнуть хочу...

— Все это къ вашимъ услугамъ. Вотъ—Карлъ Карлычъ—рекомендательно указалъ онъ рукою на рыженькаго нѣмца:—почтенный человекъ, который озаботится... Вотъ вамъ комната—можете расположиться, а самоваръ и прочее у насъ и безъ того уже готово.

Хвалынцева внутренне что-то передернуло: онъ понялъ, что такъ или иначе, а все-таки арестованъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ и что всякое дальнѣйшее препирательство или сопротивленіе было бы вполнѣ бесполезно. Хочешь—не хочешь, оставалось покориться прихоти или пылу глубокомысленнымъ сообра-

женіямъ этого политика, и потому, слегка поклонившись, онъ только и могъ пробормотать сквозь зубы:

— Я въ вашей власти.

— Очень пріятно! Очень пріятно-съ! — отвѣтилъ полковникъ съ поклономъ, отличавшимся той невыразимо любезной, гоноровой «гжечностью», которая составляет неотъемлемую принадлежность родовитыхъ поляковъ: — я очень радъ, что вы приняли это благодарное рѣшеніе... Позвольте и мнѣ откомендовать: полковникъ Пшецыньскій, Болеславъ Казиміровичъ; а это — указалъ онъ рукой на двухъ господъ въ земско-полицейской формѣ: — господинъ исправникъ и господинъ становой... Не прикажете-ли чаю?

— Да, я прозябъ и хотѣлъ-бы согрѣться.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте съ нами, — предложилъ ему предводитель, указавъ на дверь во внутренній покой, — и всѣ отправились по указанному направленію.

Здѣсь предстало Хвалынцеву новое зрѣлище. То былъ старинный барскій кабинетъ, съ глубокими вольтеровскими креслами, съ пузатымъ бюро, съ широкой оттоманкой отъ угла въ двѣ стѣны. Хроматическія гравюры, висѣвшія тутъ, изображали охотничьи сцены изъ англійской жизни да сантиментальныя похождения Поля и Виргиніи. По серединѣ комнаты стоялъ ломберный столъ, на которомъ валялись мѣлки и карты — атрибуты неоконченнаго штосса. Въ углу, на другомъ столѣ, помѣщался вмѣстительный самоваръ съ чайною принадлежностью, лимоны, бутылка коньяку, графинъ съ водкой, селедка и сыръ. Всѣ эти снѣди и питія малымъ остаткомъ краснорѣчиво доказывали, что присутствующіе успѣли уже неоднократно оказать имъ достоюмую честь.

Едва вошелъ Хвалынцевъ въ эту комнату, какъ на него злобно зарычали два мордастые бульдога, которые были привязаны сворой къ ножкѣ пузатаго бюро. Но нѣмецъ-управляющій внушительно цыкнулъ на нихъ, и они замолчали. Кромѣ яствъ и картъ, Хвалынцева не мало удивило еще присутствіе въ этой комнатѣ такихъ воинственныхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, заряженный револьверъ, лежавшій на ломберномъ столѣ, у того мѣста, на которое сѣлъ теперь полковникъ Пшецыньскій; черкесскій клинжалъ на окошкѣ; въ углу двѣ охотничьи двухстволки, рядомъ съ двумя саблями, изъ коихъ одна, очевидно, принадлежала полковнику, а другая — стародавняя, заржавленная — составляла древнюю принадлежность помѣщичьяго дома. Вообще, эти «злющія» бульдоги на сворѣ, этотъ заряженный револьверъ, и ружья, и клинжалъ, и сабли ясно доказывали, что всѣ эти господа дѣйствительно почитали себя въ самой серьезнѣйшей блокадѣ, и намѣревались дешево продать рус-

скимъ мужикамъ свое драгоценное существованіе, если-бы тѣ задумали брать приступомъ господскую твердыню.

— Когда-же вы меня отпустите отсюда, полковникъ? когда я буду свободенъ? — спросилъ Хвалынцевъ, *volens-volens* располагаясь на старой оттоманкѣ.

— О, помиуйте, вы и теперь свободны, но... только я не могу отпустить васъ раньше окончательнаго укрощенія; когда волненіе будетъ подавлено, вы можете ѣхать куда угодно.

— А когда оно будетъ подавлено?

— Это зависитъ отъ прібытія войскъ. Вчера мы послали эстафету, сегодня — надо ожидать — прібудутъ.

— Да что это у васъ за возстаніе такое? какъ? почему? зачѣмъ? Объясните, пожалуйста, — обратился Хвалынцевъ къ предводителю.

— О, это презапуганная и вмѣстѣ пренебрежимая исторія, съ изыщнымъ пренебреженіемъ выдвинулъ предводитель свою нижнюю губу: — никакихъ властей не признаютъ, Карла Карлыча не слушаютъ... Какой-то вредный коммунизмъ проявился... *Imaginez vous*, не хотятъ понять, что они должны либо снести тѣ усадьбы, которыя стоятъ ближе пятидесяти саженой къ усадьбѣ помѣщика, либо, по соглашенію съ помѣщикомъ, платить за нихъ выкупъ. Не хотятъ ни того, ни другого. «Усадьба, говорить, и безъ того моя была!» (Предводитель, ради пущей изобразительности и остроумія, крестьянскія реплики въ своемъ разказѣ передразнивалъ на мужицкій ладъ). Вотъ и толкуйте съ ними! И теперь, *à la fin des fins*, вышли на площадь, толкуютъ *Dieu sait quoi* о томъ, что волю у нихъ украли помѣшники, и какъ вы думаете, изъ-за чего? — Для нихъ же собственной пользы и выгоды денежный выкупъ за душевую надѣлу замѣнили имъ личной работой, — не желаютъ: «мы-де нонѣ полные и баршныны не хотимъ!» Мы всѣ объясняемъ имъ, что тутъ никакой барщины нѣтъ, что это не барщина, а замѣна выкупа личнымъ трудомъ въ пользу помѣщика, которому нужно же выкупъ внести, что это только такъ, пока — временная мѣра, для ихъ же выгоды, — а они свое несутъ: «Баршнына да баршнына!» И вотъ, какъ говорится, *inde igae*, отсюда и вся исторія... «Положенія» не понимаютъ, толкуютъ его по своему, самопроизвольно; ни мнѣ, ни полковнику, ни г-ну исправнику не вѣрять, даже попу не вѣрять; говорятъ: помѣшники и начальство настоящую волю спрятали, а прочитали имъ подложную волю, безъ какой-то золотой строчки, что настоящая воля должна быть за золотой строчкой... И вотъ все подобныя глупости!

— Но для чего же они на площадь повыходили? — спросилъ Хвалынцевъ.

— Вотъ, слухи между ними пошелъ, что «ена-

ралъ съ Пилтеру» придетъ имъ «волю заправскую читать»... Полковникъ вынужденъ вчера эстафетой потребовать войско, а они, ужь Богъ знаетъ, какъ и откуда, прослышали о войскѣ и думаютъ, что это войско и придетъ къ нимъ съ настоящею волею,—ну, и ждутъ вотъ, да еще и сосѣднихъ мутить, и сосѣди тоже поприходили.

— М-да... «енаралъ»... Проппшетъ онъ имъ волю!—съ многозначительною провѣйю пополоскалъ губами и щеками полковникъ, отхлебнувъ изъ стакана глотокъ пуншу, и повернулся къ Хвалынцеву:—Я истощилъ всѣ мѣры кротости, старался вселить благоразуміе, пояснилъ онъ докторально-авторитетнымъ тономъ:—даже пастырское назиданіе было имъ сдѣлано,—ничто не беретъ! Ни голосъ совѣсти, ни внушеніе власти, ни слово религіи!... Съ прискорбіемъ долженъ былъ послать за военною силой... Жаль, очень жаль будетъ, если разразится катастрофа.

Но... опытный наблюдатель могъ-бы замѣтить, что полковникъ Болеславъ Казиміровичъ Пшецыньскій сказалъ это «жаль» такъ, что въ сущности ему нисколько не «жаль», а сказано это лишь для красоты слога. Многія губернскія дамы даже до пугливаго трепету восхищались административно-воинственнымъ краснорѣчіемъ полковника, который пользовался репутаціей хорошаго спикера и мазурриста.

— Необразованность!.. промолвилъ господинъ становой семипарески-малороссійскимъ акцентомъ;—это все отъ необразования!

— Русскіи мужикъ свинъ! ни къ селу, ни къ городу ввернуть и свое слово рыженькій нѣмецъ, къ которому никто не обращался и который все время возился то около своихъ бульдоговъ, то около самовара, то начиналъ вдругъ озабоченно осматривать ружья.

— Н-да, это грустный фактъ! извѣстно вздохнулъ предводитель:—я никакъ не противъ свободы; напротивъ, я англичанинъ въ душѣ и стою за конституціонныя формы, mais... savez vous, mon cher (это «mon cher» было сказано отчасти въ фамиллярномъ, а отчасти какъ-будто и въ покровительственномъ тонѣ, что не совсѣмъ-то понравилось Хвалынцеву), savez vous la liberté et tous ces reformes для нашего русскаго мужика—c'est trop tôt encore! Я очень люблю нашего мужика, но... свобода необходимо требуетъ развитія, образованія... Надо-бы сперва было позаботиться объ образованіи, а то вотъ и выходятъ подобныя сцены.

Хвалынцеву стало какъ-то скверно на душѣ отъ всѣхъ этихъ разговоровъ, такъ что захотѣлось просто плюнуть и уйти, но онъ понималъ въ то же время свое двусмысленное и зависимое положеніе въ обществѣ деликатно арестовавшаго его полковника и потому благоразумно воздержался отъ сильныхъ проявленій своего чувства.

— Да, замѣтилъ онъ съ легкой улыбкой—но

дышать-то вѣдь хочется одинаково какъ образованному, такъ и необразованному...

Предводитель тоже своеобразно улыбнулся и, не возразивъ ни слова, сосредоточенно сталъ крутить папироску. Зато Болеславъ Казиміровичъ очень нехорошо передернулъ усами и, пылливо взглянувъ некоса на студента, вышелъ изъ комнаты.

— Левъ Александровичъ! многозначительно кивнулъ онъ предводителю изъ-за двери,—и тотъ сейчасъ же удалится.

— А что, не отлично я развѣ распорядился съ арестаціей этого студіозуса? вполголоса похвалился полковникъ:—помилюйте, вѣдь это красный, совсѣмъ красный, каналья!.. Ужъ я, батенька, только взгляну—сейчасъ по рожѣ вижу, насквозь вижу всего!..

— Н-да, но что толку арестовать-то его?.. Только насъ стѣсняетъ... Ну, его! пускай себѣ ѣдетъ!

Пшецыньскій удивленно выпучилъ глаза и покачалъ головою.

— Ай-ай-ай, Левъ Александровичъ! Какъ-же-жъ это вы такъ легкомысленно относитесь къ этому! «Пускай ѣдетъ!»—А какъ не уѣхать? А какъ пойдетъ въ толпу да станетъ бунтовать, да какъ если—борони Боже—на домъ нахлынутъ? Отъ подобныхъ господчиковъ я всего ожидаю!.. Нѣтъ-съ, пока не пришло войско, мы въ блокадѣ, доложу я вамъ, и я не дамъ лишняго шанса непріятелю!.. Выпустить его невозможно.

Полковникъ, очевидно, очень трусилъ непріятеля. Будучи храбрымъ и даже отважнымъ въ своей канцеляріи, равно какъ и въ любой губернской гостиной, и на любомъ зеленомъ полѣ,—онъ пасовалъ передъ невѣдомымъ ему непріятелемъ—русскимъ народомъ. Но боязнь своей показать не желалъ (она сама собой иногда прорывалась наружу) и потому потрошилъ да въ иное, но тоже не совсѣмъ для себя бесполезное, значеніе вызову предводителя на секретное слово.

— А что я васъ хотѣлъ просить, почтеннѣйшій Левъ Александровичъ, крадчиво началъ онъ, улыбаясь пріятельски-сладкой улыбкой и взявъ за пуговицу своего собесѣдника:—малый кажется мнѣ очень, очень подозрительный... Мы себѣ засядемъ будто въ картишки, а вы поговорите съ нимъ—хоть тамъ, хоть въ этой комнатѣ; вызовите его на разговорецъ на адакій... пускай-ко выскажется немножко... Это для насъ право-же не бесполезно будетъ...

Предводитель помаялся, поморщился, но не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія полковнику.

— Ване высоко-бородіе! Генералъ требуютъ! громогласно доложилъ жандармъ, въ эту самую минуту показавшійся въ передней.

— Какъ генералъ?!... развѣ ужъ пріѣхалъ? оторопѣло спохватился Пшецыньскій.

— Сейчас зовили прибыть.

— Ай-ай, батюшки мои!... Живѣй мундиръ!... Поворачивайся, каналья!... Скорѣе!...

Полковникъ со всѣхъ ногъ бросился облекать себя въ полную парадную форму.

II.

Великое и общее недоразумѣніе.

Какъ только въ городѣ Славнобубенскѣ была получена эстафета полковника Пшецыньскаго, такъ тотчасъ казачьей сотнѣ приказано было поспѣшно выступить въ село Высокіе Снѣжки и послано эстафетное предписаніе нѣсколькимъ пѣхотнымъ ротамъ, расположеннымъ въ уѣздѣ на ближайшихъ пунктахъ около Снѣжковъ, немедленно направиться туда же.

Не доходя версты пяти до Высокихъ Снѣжковъ, военный отрядъ былъ опереженъ шестеркою курьерскихъ лошадей, которыя мчал дорожный дормезъ. Изъ окошка выглянула озабоченная фязіономія генерала, мимоходомъ крикнувшаго командиру отряда, чтобы тотъ поспѣшилъ какъ можно скорѣе. Рядомъ съ генераломъ сидѣлъ адъютантъ, а на козлахъ и на имперьяхъ—два ординарца изъ жандармовъ. Черезъ нѣсколько минутъ замыленная шестерка вомчалась въ село и остановилась на стояломъ дворѣ, въ виду волнующейся площади.

Тысячегрудое и долгое «ура!» загремѣло надъ толпой народа, но вновь прибывшимъ лицамъ трудно было впопыхахъ разобрать настоящій смыслъ и значеніе этого могучаго привѣтствія. Въ эту минуту, подѣ впечатлѣніемъ обстоятельствъ нынѣшняго и прошлыхъ дней, имъ понятнѣе была одна только оглушительная, грозная сторона крика, та сторона, которая заставляетъ скорѣе мелькать въ воображеніи представленія о бунтовщикахъ, колыяхъ, топорахъ, дубинахъ... Новоприбывшіе скрылись за дверью въ горницу. Ординарцы, вслѣдъ за ними внесли тутъ же чesmоданы и прочую дорожную принадлежность. Генералъ тотчасъ же послалъ за Пшецыньскимъ.

А между тѣмъ къ нему, точно такъ-же, какъ и къ Хвалынцеву, вздумалъ было нахлынуть свибородные хоdаки за мѣръ, но генеральскій адъютантъ упдѣлъ ихъ въ окно въ то еще время, какъ они только на крыльцо взбѣгались, и не успѣвъ еще совершенно оправиться отъ невольнаго впечатлѣнія, какое произвелъ на него тысячеголосый крикъ толпы, приказалъ ординарцамъ гнать хоdаковъ съ крыльца, ии за что не допуская ихъ до особы генерала.

Но пока онъ самъ одѣвался и обчищался, да пока одѣвался и шелъ къ генералу, въ сопровожденіи жандарма, полковникъ Пше-

цыньскій, съ неизмѣннымъ револьверомъ въ карманѣ,—впечатлѣніе внезапнаго пснуга успѣло уже пройти, и адъютантъ встрѣтилъ въ снѣжахъ Пшецыньскаго, какъ подобаетъ неза-виспому адъютанту, сознающему важность и и власть своего генерала.

— Вы, полковникъ, надѣлали Богъ знаетъ что! внушительно и даже отчасти строго началъ онъ, когда Пшецыньскій не безъ нѣкоторой заискивающей почтительности поклонился ему:—зачѣмъ вы изволили потребовать войско?... Развѣ вы не могли обойтись и безъ этой крайней мѣры?... Зачѣмъ вамъ военная сила, когда вы должны были укрощать сплой вашего личнаго авторитета... Его превосходительство недоволенъ вами... Все, что говорю я,— я передаю вамъ отъ лица его превосходительства... Что это здѣсь за псправники! Что это за земская полпція, которая доускаетъ подобные безпорядки!...

Это ни на что не похоже-сь!... Такъ, ей-Богу, служить нельзя!

— Помните, истощены всѣ мѣры кротости... ни голосъ религіи, ни сила власти, ничто... зарпортовалъ было Пшецыньскій, отчасти смутившійся столь начальственнымъ и безцеремоннымъ тономъ адъютанта, на оберъ-офицерскихъ погонахъ котораго сидѣло всего только три звѣздочки. Но адъютантъ, почти не слушая Болеслава Казиміровича, отворилъ дверь и жестомъ пригласилъ его войти, для личныхъ объясненій, къ его превосходительству, а самъ, даже съ нѣкоторымъ похвальнымъ безстрашіемъ, вышелъ на крыльцо—сдѣлать рекогносцировку относительно настроенія и положенія въ данный моментъ бунтующей толпы. Отъ самъ въ душѣ даже пріятно пощекоталъ себя похвалою за это безстрашіе, по поводу котораго вдругъ почувствовалъ себя, въ нѣкоторомъ родѣ, героемъ.

Почти передъ самымъ крыльцомъ былъ теперь поставленъ столпикъ, котораго прежде адъютантъ не замѣтилъ. Отъ былъ покрытъ чистой, бѣлой салфеткой съ узорчато-расшитыми каймами, и на немъ возвынялся, на блюдѣ, каравай пшеничнаго хлѣба да солонка, а по бокамъ, обнажа свои головы, стояли двое почтенныхъ, благообразныхъ стариковъ, съ длинными, сѣдыми бородами, въ праздничныхъ синихъ кафтанахъ.

Едва ступилъ адъютантъ на крыльцо, какъ многія головы въ крестьянской толпѣ мгновенно обнажились, а старпки, стоявшіе у хлѣба, почтительно отвѣсили ему по глубокому пояскому поклону.

Поручикъ, юный годами и опытноcтью, хотя и зналъ, что у русскихъ мужиковъ есть обычай встрѣчать съ хлѣбомъ и солью, однако полагалъ, что это дѣлается не болѣе, какъ для проформы, въ родѣ того, какъ подчиненные являютъ иногда къ начальству съ иичего неспачуицими и иичего не выражающими рапортами; а теперь, въ

настоящихъ обстоятельствахъ, присутствіе этого стола съ этими стариками показалось ему даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, дерзостью: помилуйте, тутъ люди намѣреваются одной собственной особой, однимъ своимъ появленіемъ задать этому мужичью добраго трепету, а тутъ вдругъ, вовсе ужъ и безъ малѣйшихъ признаковъ какого-бы то ни было страха, выходятъ прямо передъ него, лицомъ къ лицу, два какіе-то человека, да еще со своимъ поднесеніемъ!—Поручикъ возжелалъ съ первой-же мноты показать свою твердость и силу, копмъ самъ въ душѣ намѣревался не мало полюбоваться, возжелалъ, что называется, сдѣлать впечатлѣніе, или «faire une juste impression», какъ подумалъ онъ въ буквальной точности.

— Эт-та что такое?! Что это значить?!— рѣзко и строго возвысилъ онъ голосъ, указывая то на каравай, то на бороды выборныхъ.

— Отъ міра! Хлѣбъ да соль вашимъ мило-стямъ! — проговорили старикъ, сопровождая слова своимъ вторичнымъ поклономъ.

— Вы кто такіе?.. Откуда? Какіе люди? Какъ смѣли вы!

— Мы выборные, батюшко, отъ міра...

— Какой я вамъ «батюшка»! Не видите развѣ кто я? всплилъ адъютантъ, принявшій за дерзость даже и «батюшку», послѣ привычнаго для его дисциплинированнаго уха «вашего благородія». При томъ же и самое слово «выборные» показалось ему зловѣще многозначительнымъ: «выборные... власти долой, значить... конвентъ... конституціонныя формы... самоуправленіе... революція... Пугачевъ» — вотъ обрывки тѣхъ смѣшанно-неясныхъ мыслей и представленій, которыя вдругъ замелькали и запутались въ головѣ поручика, при словѣ «выборные».

— Бунтовщики!.. Обмануть надѣетесь!.. Задобритъ хотите! закричалъ и затопалъ онъ на стариковъ!— тутъ съ бунтовщиками угощаться не стануть! Къ вамъ пріѣхали порядокъ водворять, а не ѣсть тутъ съ вами!.. Вонъ отсюда!.. Убрать все это сейчасъ-же!.. Вотъ я васъ!

Старикъ оторопѣлъ и въ величайшемъ недоумѣніи переглянулись другъ съ другомъ.

— Ну! что-же вы стали?.. Непокорство!.. Эй, ординарцы! взять ихъ!

И по слову адъютанта, два жандарма вмигъ распорядились какъ слѣдуетъ съ выборными. Столикъ съ салфеткой, и съ блюдомъ, и съ караваемъ тотчасъ-же исчезъ куда-то, словно-бы его и не бывало,—и одно только недоумѣніе все болѣе и болѣе разливалось на старческихъ лицахъ.

Послѣ столь энергическаго приступа къ дѣлу, поручикъ показалось, что онъ уже достаточно задать предварительнаго страха и что теперь мужики будутъ чувствовать къ его особѣ достойное уваженіе.

Кончивъ объясненіе съ Писцунскимъ, генералъ вышелъ на крыльцо. Полковникъ какъ-то

меланхолически выступалъ за нимъ слѣдомъ, держа въ рукахъ «Положеніе». На крыльцѣ генерала встрѣтили только что подошедшіе въ это время становой съ исправникомъ и предводитель Корытниковъ, на которомъ теперь вмѣсто Шармеровскаго пиджака, красовался дворянскій мундиръ съ шитымъ воротникомъ и дворянская фуражка съ краснымъ околышемъ.

Предводителя генералъ удостоилъ поклона и даже рукопожатія, а становому съ исправникомъ буркнулъ сквозь зубы одно только: «стыдно, господа, стыдно!»

Но тѣ рѣшительно не поняли, почему это имъ должно быть стыдно.

— Ну, не шумѣть, ребята!—громко закричалъ генералъ толпѣ:—я съ вами говорить желаю... Смирно!

Толпа стояла тихо: въ ней улегались волны и гулъ послѣднихъ движеній; она, казалось, напряженно ждала чего-то. Шапки все болѣе и болѣе слетали съ головъ.

— Тихо!.. тихо, ребята!.. Слухай!.. Сейчасъ вѣрно заправскую читать будетъ!—пробѣгалъ по толпѣ сдержанный говоръ.

— Смирно! — еще громче повторилъ генералъ:—пускай ко мнѣ выйдутъ нѣсколько человекъ. Я съ ними буду говорить, а они потомъ пусть всѣмъ остальнымъ сообщать мои слова.

Въ толпѣ опять заколыхались и мноты черезъ пять болѣе десятка толковыхъ мужиковъ вышли изъ массы и, безъ шапокъ, съ видомъ явнаго уваженія, подошли къ генералу.

— Вы видите, кто я?—началъ онъ, указывая на свою грудь и плечи.

— Видимъ, батюшко, генералъ! Видимъ! поклонились тѣ.

— Понимаете, кто я?

— Какъ-ста не понять!.. Понимаемъ... всѣ понимаемъ.

— Ну, то-то же!.. Теперь скажите мнѣ, зачѣмъ вы бунтуете, властямъ не покоряетесь?

— Гдѣ же мы бунтуемъ, батюшко, ваше благородіе!—заговорили мужики:—экъ-ли люди-то бунтуютъ!.. Мы только обиду свою ищемъ, а бунтовать не желаемъ... Зачѣмъ бунтовать?.. Мы бунтовать не согласны! Обстой ты насъ, батюшко! будь милостивцемъ!

— А зачѣмъ вы толпами на площадь собрались? Это развѣ не мятежъ, по вашему?—продолжалъ генералъ.

— Собрались мы, кормилецъ, зачѣмъ, чтобы всѣмъ міромъ отъ тебя самого волю услышать... Отъ насъ настоящую-то волю скрали.

— Какъ? Что? Какую волю?.. Вамъ была уже читана воля—чего-же вы еще хотите?

— Какая-жъ это воля, батюшко, коли насъ снова на барщину гонять... Какъ, значить, сжали-бы мы вольные—шабашъ на господъ работать! А насъ опять гонять... А мы супротивъ закона не желаемъ. Теперь-же опять